

Юрген Хабермас

СПЕКТР КРИТИКУЕМЫХ ВЫРАЖЕНИЙ¹

Обоснованные утверждения и эффективные действия, несомненно, являются признаком рациональности. Субъектов, владеющих языком и способных на действие, которые по поводу фактов и отношений цели и средства по возможности не обманываются, мы называем рациональными. Но существуют, очевидно, *другие* типы выражений, для которых могут существовать достаточные основания (*gute Gründe*), хотя они и не связаны с требованиями истины или успеха. В связи с коммуникацией, мы называем рациональными не только тех, кто выдвигает утверждение и может обосновать его в споре с критиком, указывая на соответствующие очевидности. Мы называем рациональными также и тех, кто следует существующей норме и может в споре с критиком оправдать свое действие, объясняя данную ситуацию в свете легитимных ожиданий поведения. Рациональными мы называем даже тех, кто откровенно выражает желание, чувство или настроение, разглашает тайну, отвечает за дело и т.д., и может потом обеспечить критику достоверность в отношении такого рода разоблаченных событий, выводя из этого практические последствия и действуя в отношении последствий консистентно.

Действия, *регулируемые нормами*, и *экспрессивное самоизображение* имеют также, как и устойчивые речевые действия (*konstantive Sprechhandlungen*), характер осмысленных, понятных в своем контексте выражений, которые связаны с критикуемым требованием значимости. Вместо отношения к фактам, они исходят из отношения к нормам и переживаниям (*Erlebnissen*). Действующий выдвигает притязание на то, чтобы его поведение в отношении признанного легитимным нормативного контекста было правильным или на то, чтобы экспрессивное выражение доступных ему переживаний было правдивым. Эти выражения (*Äusserungen*) могут также, как и устойчивые речевые действия, быть ошибочными. Для их рациональности возможность intersубъективного признания критикуемых притязаний на значимость (*Geltungsansprüche*) также является конститутивным. Знание, которое воплощено в действиях, регулируемых нормами, или в экспрессивных выражениях, отсылает все же не к существованию определенного положения дел, а к должному (*Sollgeltung*) и проявлению (*Vorschein-Kommen*) субъективных переживаний. С ними говорящий (*Sprecher*) относится не к чему-то в объективному миру, а только, в общем, к чему-то социальному или чему-либо в собственном, субъективном мире. Здесь я довольствуюсь предварительной ссылкой на то, что существуют коммуникативные акты, которые характеризуются *другим* отношением к миру и связаны с *другими* притязаниями на значимость, чем экспрессивные выражения.

Выражения, которые связаны с притязаниями на нормативную правильность и на субъективную истинность подобным же образом, что и другие акты с притязаниями на пропозициональную истину и эффективность, образуют центральную предпосылку рациональности: они могут обосновываться и подвергаться критике. Само по себе это имеет значение для выражений такого типа, для которого не характерно четко обозначенное притязание на значимость, а именно для эвалюативных выражений, которые не являются просто экспрессивными, не выражают просто приватное чувство или потреб-

¹ Перевод сделан по изданию: *Jürgen Habermas. Theorie des kommunikativen Handelns. 3. Auflage. Frankfurt am Main, 1985. Bd.1. S. 34-44.*

Опубликовано в: *Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 254-263.*

ность, не исходят из нормативной связи, т.е. являются конформными по отношению к обобщенному ожиданию поведения. И все же для таких эвалюативных выражений существуют достаточные основания (*gute Gründe*): желание отпуска (*Ferien*), предпочтение по отношению к осеннему ландшафту, неприязнь к военному делу, ревность по отношению к коллегам могут объяснить поведение действующего по отношению к критику с помощью ценностных суждений. Ценностные стандарты не обладают ни всеобщностью intersубъективно признанных норм, не являются просто приватными. Мы различаем все же между разумным и неразумным использованием тех стандартов, с которыми принадлежащие одной культурной и языковой общности интерпретируют свои потребности.

Актеры ведут себя рационально, поскольку они используют такие предикаты как пряный, привлекательный, чужой, ужасный, отвратительный и т.д. таким образом, чтобы другие относящиеся к их жизненному миру лица могли узнать в этих описаниях свои собственные реакции в подобных ситуациях. Если они, напротив, столь своеобразно используют ценностные стандарты, что они не могут сообразовываться с культурно преобразованным пониманием, то они ведут себя идиосинкразически. Среди подобных приватных оценок могут быть те, которые имеют инновативный характер. Они характеризуются, конечно, аутентичными выражениями, например, посредством очевидной, т.е. эстетической формы произведения искусства. Напротив этому, идиосинкразические выражения следуют образцам; содержание их значения не становится благодаря поэтической речи или творческой форме доступным и имеет только приватный характер. Спектр таких выражений простирается от безобидных причуд (*harmlosen Ticks*), таких, как приязнь к запаху гниющих яблок, вплоть до клинических симптомов, например, боязни открытых пространств. Тот, кто объясняет свои либидинозные реакции на гниющие яблоки с помощью ссылок на «обманывающий», «бездонный», «головокружительный» запах, тот, кто объясняет паническую реакцию на открытое пространство «парализующей», «свинцовой», «всасывающей» пустотой, едва ли в большинстве культур будет понят в *повседневном* контексте. Для этой реакции, воспринимаемой в качестве отклоняющейся, недостаточно *оправдывающей* силы соответствующих культурных ценностей. Эти пограничные случаи только подтверждают, что проявления и впечатлительность желаний и чувств, которые могут выражаться в ценностных суждениях, находятся во внутреннем взаимоотношении к основаниям и аргументам. Тот, кто в своих установках и оценках ведет себя столь приватным образом, что они не объясняются с помощью ссылок на ценностные стандарты и не могут выступать как убедительные, не ведет себя рационально.

Резюмируя, можно сказать, что действия, регулируемые нормами, экспрессивные самовыражения и эвалюативные выражения дополняют устойчивые речевые действия до уровня коммуникативной практики, которая ориентирована, исходя из фона жизненного мира, на создание, поддержание и обновление консенсуса, а именно такого консенсуса, который основывается на intersубъективном признании критикуемых притязаний на значимость. Присущая этой практике рациональность проявляется в том, что коммуникативно достигаемое согласие *в конечном итоге* должно покоиться на основаниях. И рациональность тех, кто участвует в коммуникативной практике, соизмеряется с тем, могут ли они *при данных обстоятельствах* обосновать свои выражения (*Äusserungen*). Присущая повседневной коммуникативной практике рациональность ссылается, следовательно, на практику аргументации как на апелляционную инстанцию, которая делает возможным продолжить коммуникативное действие другими средствами, если диссонанс не может более предотвращаться повседневной рутинной и равным образом не может быть решен путем непосредственного или стратегического использования насилия. Я считаю поэтому, что понятие коммуникативной рациональ-

ности, которое относится к еще не объясненной систематической связи универсальных притязаний на значимость, должно эксплицироваться соразмерно теории аргументации.

Аргументацией мы называем тип речи, в пределах которой участвующий тематизирует спорные притязания на значимость и пытается их с помощью аргументов обосновать или подвергнуть критике. *Аргумент* содержит основания, которые систематически связаны с *притязанием на значимость* проблематичного выражения (*Äusserung*). «Сила» аргумента соразмеряется с данным контекстом, с убедительностью оснований; она проявляется, например, в том, может ли аргумент убедить участников дискурса, т.е. может ли он мотивировать принятие данного притязания на значимость. На этом фоне мы можем также обсуждать рациональность субъекта, способного к использованию языка и действию в той мере, в какой он в данном случае относится к себе как к участнику процесса аргументации: «Кто-либо участвующий в дискуссии обнаруживает свою рациональность или ее отсутствие тем способом, которым он действует и отвечает на выдвижение доводов за или против утверждений. Если он «открыт для дискуссии», то он добивается либо признания силы этих доводов или стремиться ответить на них, т.е. так или иначе он хочет обращаться с ними «рационально». Если он, напротив, «глух к аргументам», он может либо игнорировать противоположные доводы или отвечать на них догматическими утверждениями, т.е. так или иначе он не работает с ними «рационально»². Способность обоснования рациональных выражений со стороны лиц, которые действуют рационально, соответствует готовности подвергнуться критике и сообразно обстоятельствам и в соответствии с правилами принять участие в аргументации.

Рациональные выражения (*Äusserungen*) в силу своей критикуемости также *способны к совершенствованию* (*verbesserungsbar*): мы можем скорректировать ошибочные попытки, если удалось обнаружить вкравшиеся ошибки. Концепция *обоснования* связана с концепцией *обучения*. Аргументация играет важную роль и в учебном процессе. Так, мы называем рациональной личность, которая в когнитивно-инструментальной сфере высказывает обоснованные суждения и действует эффективно; иначе эта рациональность остается случайной, если она не соединена со способностью учиться на основании ошибок, опровержения гипотез и неудач попыток практического вмешательства (*Interventionen*).

Посредником, в пределах которого может продуктивно разрабатываться этот негативный опыт, является теоретический дискурс, следовательно, форма аргументации, посредством которой в данной области осуществляются противоречивые притязания на истину. В морально-практической сфере дело обстоит подобным же образом. Мы называем рациональной личность, которая может оправдать свои действия ссылкой на существующие нормативные контексты. Но тем более это важно для тех, кто действует рассудительно в случае нормативных конфликтов, следовательно, не уступает своим аффектам и не следует своим непосредственным интересам, а стремится обсуждать на основании моральных позиций предмет дискуссии беспристрастно и добиваться консенсуса по его поводу. Посредником, посредством которого можно гипотетически проверить, может ли норма действия быть подтверждена, независимо от того, признана ли она фактически или нет, является *практический дискурс*, следовательно, форма аргументации, в рамках которой в качестве предмета актуализируется рассмотрение притязания на нормативную правильность.

В философской этике ни в коем случае не считается признанным, что связанные с нормами действия притязания на значимость, на которых основываются принципы поведения или суждения о должном, могут по аналогии с притязаниями на истину реа-

² Toulmin St., Rieke R., Janik A. An Introduction to Reasoning, N.Y. 1979. S. 13.

лизываться дискурсивно. Но в повседневности не был бы включен в процесс моральной аргументации тот, кто не исходил бы интуитивно из мощных предпосылок, что в пределах круга заинтересованных лиц в качестве цели может быть принципиально достигнут обоснованный консенсус. Это происходит, как я полагаю, в концептуальном отношении, на основании *смысла* нормативных притязаний на значимость. Нормы действия выступают в своей сфере значимости с притязанием на то, чтобы в отношении данной нуждающейся в регулировании материи выразить *общие* для *всех* заинтересованных лиц интересы и тем самым *добиться* всеобщего признания; поэтому соответствующие нормы должны, при условиях, которые нейтрализуют все мотивы помимо совместного поиска истины, пребывать также в состоянии находить в принципиальном отношении рационально мотивированное согласие всех заинтересованных лиц³.

На этом интуитивном знании мы всегда основываемся тогда, когда мы морально аргументируем; в этих предпосылках (Präsuppositionen) коренится «моральная точка зрения»⁴. Это еще не означает, что эти обыденные интуиции могут быть подтверждены фактически реконструктивно; конечно, сам я склоняюсь в этом важном этическом вопросе к когнитивистской позиции, согласно которой практические вопросы могут решаться в принципиальном отношении аргументированно⁵. Перспективным будет защищать эту позицию только тогда, когда мы корректно (nicht vorschnell) ассимилируем практический дискурс, который характеризуется внутренним отношением к интерпретируемым потребностям *заинтересованных лиц* (Betroffenen), с теоретическим дискурсом с его отношением к интерпретируемому опыту наблюдателя.

Рефлексивный посредник (Medium) существует не только для когнитивно-инструментальной и морально-практической сферы, но также и для эвалюативных и экспрессивных выражений.

Мы называем рациональной личность, которая истолковывает природу своих потребностей в свете культурно преобразованных стандартов; но тем более тогда, когда она сама может реализовывать рефлексивную нацеленность на ценностные стандарты, интерпретирующие потребности. Культурные ценности не выступают как нормы действия, притязающие на всеобщность. Ценности в любом случае *выступают в качестве кандидатов* в рамках интерпретаций, в пределах которых круг заинтересованных лиц *в данном случае* может описать и нормировать всеобщие интересы. Оболочка (Hof) интерсубъективного признания, которое образуется вокруг культурных ценностей, еще ни в коем случае не означает притязания на культурно всеобщую или даже универсальную способность к согласию. Аргументация, которая служит оправданию ценностного

³ Сравни: White A.R. Truth. N.Y. 1970. 57 ff.; Patzig G. Tatsachen, Normen, Sätze. Stuttgart. 1981. 155 ff.

⁴ Baier K. The moral point of view. Ithaca. 1964.

⁵ Сравни: Rawls J. Eine Theorie der Gerechtigkeit. Ffm. 1975; Höffe O. (Hrsg.), J. Rawls «Eine Theorie der Gerechtigkeit». Ffm., 1977; J. Rawls. Kantian Constructivism in Moral Theory. J. Phil., 1977, 1980, 515 ff.; O. Schwemmer, Philosophie der Praxis Ffm., 1971; F. Kambartel (Hrsg.). Praktische Philosophie und konstruktive Wissenschaftstheorie. Ffm., 1975; K.O. Apel. Das Apriori der Kommunikationsgemeinschaft und die Grundlagen der Ethik, в: Он же. Transformation der Philosophie, Bd. II, Ffm. 1973a, 358 ff.; Он же. Sprechakttheorie und transzendente Sprachpragmatik, zur Frage ethischer Normen, в: Он же (Hrsg.). Sprachpragmatik und Philosophie. Ffm., 1976a, 10ff.; J. Habermas. Wahrheitstheorien, в: Fahrenbach H. (Hrsg.), Wirklichkeit und Reflexion, Pfullingen. 1973, 211 ff.; R. Alexy, Theorie juristischer Argumentation, Ffm. 1978; Он же. Eine Theorie des praktischer Diskurses, в: W. Oelmüller (Hrsg.), Normenbegründung, Normendurchsetzung, Paderborn 1978, 22 ff.; W.M. Sullivan, Communication and the Recovery of Meaning, Intern. Philos. Quart., 18, 1978, 69 ff. Zur Übersicht: R. Wimmer, Universalisierung in der Ethik, Ffm. 1980 R. Hegselmann, Normativität und Rationalität, Ffm. 1979.

стандарта, оттого не отвечает условиям дискурса. В прототипическом случае она имеет форму эстетической критики.

Это видоизменяет форму аргументации, в которой уместность (*Angemessenheit*) ценностных стандартов и выражений нашего эвалюативного языка в целом стали предметом рассмотрения. Это, конечно, в рамках литературной критики, критики искусства и музыкальной критики происходит непрямо. Основания в этом контексте имеют своеобразную функцию так преподносить произведение или изображение для восприятия, что они могут восприниматься как аутентичное выражение образцового (*exemplarischen*) опыта, как воплощение притязания на аутентичность вообще⁶.

Благодаря обоснованному восприятию, произведение, со своей стороны, может занять место аргумента и непосредственно способствовать принятию стандартов, в соответствии с которыми оно существует как аутентичное произведение. Как основания в практическом дискурсе должны служить доказательству того, что норма, рекомендованная для принятия, выражает обобщенный интерес, так и в эстетической критике основания способствуют тому, чтобы руководить восприятием и сделать столь очевидным аутентичность произведения, чтобы данный опыт мог стать рациональным мотивом для принятия соответствующих ценностных стандартов. Это размышление делает убедительным то, почему мы вынужденно используем эстетические аргументы для меньшего количества лиц, чем аргументы, которые мы используем в практическом или даже в теоретическом дискурсе.

Похожим образом это характерно для аргументов одного психотерапевта, который специализировался на исследовании рефлексивных установок анализируемого, касающихся его собственных экспрессивных выражений. Мы называем рациональным собственно также – и даже с особенным ударением – поведение личности, которая готова и в состоянии освободиться от иллюзий, а именно от иллюзий, которые покоятся не на заблуждении (по поводу фактов), а на самообмане (по поводу собственных переживаний). Это касается выражения собственных желаний и склонностей, чувств и настроений, которые выступают с притязанием на истинность. Во многих ситуациях актер имеет достаточные основания скрывать свои переживания перед другими или обманывать партнера по интеракции по поводу своих «истинных» переживаний. Потом он не выдвигает никакого притязания на истину, разве что он симулирует его, действуя стратегически. Выражения этого рода из-за своей неистинности не могут объективно критиковаться, они, более того, должны обсуждаться в своей направленности на успех.

⁶ Сравни: *R. Bittner. Ein Abschnitt sprachanalytischer Ästhetik*, в: *R. Bittner. P. Pfaff, Das ästhetische Urteil*. Köln. 1977. S. 271: «... очень важно то, чтобы иметь собственное восприятие предмета и руководить им, его ссылки давать и открывать перспективы, исследовать эстетические суждения. Гэмпшир формулирует: речь идет о том, чтобы каждого привести к тому, чтобы он воспринимал особые свойства особых предметов. Или негативно об этом пишет Айзенберг: без действительности или прямого воспоминания об обсуждаемых предметах эстетическое суждение является излишним и бессмысленным. Оба определения, конечно, не противоречат друг другу. В терминологии речевых актов ситуацию можно описать и так, что иллюкутивный акт, который в обычном порядке реализуется в выражениях, как-то: «Рисунок X особенно соразмерен», относится к роду высказываний, в то время как перлокутивный акт, который реализуется с помощью подобных выражений, является введением в собственное восприятие эстетических свойств предмета. Я высказываюсь и, тем самым, руковожу каждым в его эстетической реакции, непосредственно так, как произносится высказывание, чтобы тем самым кого-либо привести к познанию затронутых предметов или как ставится вопрос, чтобы тем самым кому-либо помочь вспомнить о чем-либо». Биттнер, тем самым, поднимает вопрос о линии аргументации, который освещен в работах М. Макдональда, Айзенберга и Ст. Гэмпшира.

Истинность экспрессивных выражений может измеряться только в контексте коммуникации, нацеленной на понимание.

Тот, кто систематически обманывается по собственному поводу, относится к себе иррационально; но тот, кто в состоянии позволить себе объяснить самостоятельно свою иррациональность, тот располагает не только рациональностью способного на суждения и целерационально действующего, морально рассудительного и практически достоверного, тонко оценивающего и эстетически интерпретирующего субъекта, но и способностью относиться к своей субъективности рефлексивно и видеть рациональные ограничения, которые систематически положены в основание его когнитивных, морально-практических и эстетическо-практических выражений. Также основания играют роль и в подобном *процессе саморефлексии*; соответствующий тип аргументации Фрейд исследовал в соответствии с моделью терапевтического диалога, происходящего между врачом и анализируемым⁷. В аналитическом разговоре роли распределены асимметрично, врач и пациент ведут себя отнюдь не как пропонент и оппонент. Предпосылки дискурса могут быть осуществлены лишь тогда, когда терапия достигла успеха. Форму аргументации, которая служит разоблачению (*Aufklärung*) систематического самообмана, я называю поэтому *терапевтической критикой*.

На другом, но в любом случае рефлексивном, уровне лежат исключительно способности поведения интерпретатора, который видит себя побужденным, путем значительных трудностей, к пониманию того, чтобы для оказания помощи само средство понимания сделать предметом коммуникации. Мы называем рациональной личность, которая действует в готовности к пониманию и реагирует на нарушения коммуникации таким способом, что она рефлектирует в соответствии с правилами языка. При этом речь идет, с одной стороны, о проверке рассудочности символических выражений, следовательно, о вопросе, соответствуют ли символические выражения правилам, т.е. порождаются в согласии с соответствующей системой правил производства. Лингвистическое исследование может здесь служить в качестве модели. С другой стороны, речь идет об экспликации значения выражений – герменевтической задаче, для которой предлагает соответствующую модель практика перевода. Иррационально ведет себя тот, кто использует свои собственные символические средства выражения догматически. *Экспликативный дискурс*, напротив, является формой аргументации, в которой понятность, оформленность или правильность символических выражений более не представляются наивными или оспариваемыми, но становится в качестве притязания предметом рассмотрения.

Наши размышления по этому поводу мы можем резюмировать тем, что мы понимаем рациональность как предрасположенность субъектов, владеющих языком и способных на действия. Она выражается в способе поведения, для которого в настоящем существуют достаточные основания. Это означает, что рациональные выражения доступны для объективного обсуждения. Это касается всех символических выражений, которые, по меньшей мере, имплицитно связаны с притязаниями на значимость (или с притязаниями, которые находятся во внутреннем отношении к критикуемому притязанию на значимость). Каждая эксплицитная проверка противоречивых притязаний на значимость требует взыскательной формы коммуникации, которая реализует предпосылки аргументации.

Аргументация делает возможным поведение, которое в особенности считается рациональным, собственно, обучение на основании эксплицитных ошибок. В то время как критикуемость и способность к обоснованию рациональных выражений просто

⁷ J. Habermas. Erkenntnis und Interesse. Ffm., 1968a, Kap. 10f. u. P. Ricoeur, Die Interpretation, Ffm. 1969, Drittes Buch, 352 ff.; W.A. Schelling, Sprache, Bedeutung, Wunsch, Bln. 1978.

ссылаются на возможность аргументации, процессы обучения, посредством которых мы приобретаем теоретические познания и моральные воззрения, обновляем и расширяем эвалюативный язык, преодолеваем самообман и трудности понимания, *указывают (angewiesen)* на аргументацию.

Перевод А.Б. Рахманова